

Элбакян Е.С.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В ЭПОХУ РЕЛИГИИ, РЕЛИГИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы глобализации, влияние глобализации на различные типы религии и место религиозного фактора в глобализационных процессах современности. Подчеркиваются многоаспектность и амбивалентность этих процессов, невозможность дать им однозначную оценку.

Ключевые слова: религия, глобализация, интегративная функция религии, коммуникативная функция религии, светскость, секуляризация, клерикализация, теократия, новые религии, свобода совести.

Известно, что под глобализацией сегодня понимают процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации. Очевидно, что этот процесс, распространяющий свое влияние на экономическую, финансовую, политическую, правовую, социальную, культурную сферы жизни общества, имеет как позитивные, так и негативные стороны.

Среди позитивных исследователями обычно называются прямые иностранные инвестиции, рост международной торговли, благодаря чему создаются рабочие места и сокращается бедность, ускоряются социальные преобразования, формируется и укрепляется средний класс; новые технологии в сфере коммуникации, в частности Интернет и мобильные телефоны, способствующие быстрому и бесцензурному распространению информации и общению, развитию сотрудничества и взаимопонимания, оказания помощи и поддержки жителям разных стран и регионов мира; распространение принципов прав человека на те страны и регионы, в которых они ранее игнорировались; наконец, интернационализация этических ценностей в сознании как личности, так и общества.

К числу негативных факторов относятся ухудшение в целом экологической обстановки на планете, в особенности в тех регионах, где функционирует реальный производственный сектор транснациональных корпораций; возникновение экономических диспропорций, что ведет к формированию нового витка бедности, ибо иностранные инвестиции развитых стран в экономику развивающихся, как правило, основную выгоду и прибыль приносят собственной стране, создавая в регионе инвестирования очевидные экономические диспропорции; в то же время данный процесс способствует созданию рабочих мест в развивающихся странах, однако одновременно с этим происходит значительное сокращение рабочих мест в развитых странах, ведущее к повышению уровня безработицы; отсутствие контроля со стороны государств за международными финансовыми потоками, что приводит к бессистемному перетеканию капиталов из одной страны в другую и ведет к постоянному колебанию и периодическому обрушению ряда валют; интернационализация преступности и рост организованной преступности; расширение потребительской культуры (по принципу «иметь, а не быть»); более того потребительство становится обще-

культурным феноменом в мировом масштабе, вытесняя национальные культуры с их нравственно-духовными принципами; в системе образования предпочтение отдается техническим и управленческим навыкам и умениям в соответствии с требованиями рынка; игнорируются традиционные академические дисциплины, в соответствии с этим развивается тестовая форма проверки знания школьников, студентов, аспирантов; наконец, в глобализованном мире развитие болезней, в первую очередь инфекционных, происходит гораздо быстрее и в меньшей степени поддается контролю.

Глобализация меняет экономическую, социальную, культурную и информационную среду обитания человека. С одной стороны, она ведет к возрастанию взаимозависимости между странами в сфере реализации их национальных интересов, а с другой, – к неравномерному развитию мирового сообщества. Глобализация, по существу, влечет за собой процессы глобальной экономической, политической и культурной стандартизации образа и уровня жизни по образцам, являясь реальным аспектом современной мировой системы, одной из наиболее влиятельных сил, определяющих дальнейший ход развития человечества.

Какова же роль религии как социокультурного феномена в современной глобализации, а также в историческом прошлом, когда сама религия выступала катализатором глобализационных процессов?

Попробуем ответить на этот вопрос.

Религия является одним из пяти основных социальных институтов, наряду с семьей, государством, образованием и производством. Социальные институты в обществе исполняют определенные функции, совокупность которых может расцениваться как социальная роль того или иного института. Функции социальных институтов весьма многообразны, ибо они включены в различные сферы жизнедеятельности общества. Религия, например, помимо основной функции «духовного окормления», оказывает влияние на экономическую, политическую, семейную, культурную и прочие важнейшие составляющие жизни социума.

Одной из ключевых социальных функций религии является интеграция. Большинство социологов, начиная от отцов-основателей социологии как отдельной науки Огюста Конта и Герберта Спенсера, рассматривали религию в качестве средства достижения единства, объединения (интеграции) общества, сплочения отдельных людей в массу верующих, рождающее ощущение «сопричастности» («партиципации»¹), унифицирующее образ жизни, ценностные и мировоззренческие ориентиры, социальные и нравственные нормы.

Понятие «партиципация», введенное Л. Леви-Брюлем, характеризует в основном пралогическое мышление, устанавливающее сопричастность и тождество между материальными предметами и духовными явлениями, существами и силами, индивидом и тотемом, и носит мистический характер. Благодаря партиципации в архаическом сознании возникают образы мифологических существ, формируются религиозные представления о пространстве и времени, человеке и коллективе, причинно-следственных связях и отношениях, сакральных предметах и поклонении им. Постепенное развитие логического мышления ослабляет мистическое мировосприятие, однако партиципация как некий интегратор индивидов в единую общину полностью не преодолевается, продолжая существовать в рамках развитого религиозного сознания, в том числе и в коллективных представлениях сторонников мировых религий. Отличительным признаком мировых религий, позволившим им перешагнуть национальные, культурные и государственные границы, наряду с упрощением обрядовой стороны и эгалитаризмом, был их универсализм. Мировые религии обращены ко всем народам независимо от национальности, языка, страны проживания и подданства. «Нет ни иудея, ни эллина» – таков лейтмотив мировых религий.

Соответственно этому выстраивается их вероучение, которое должно находить отклик в душах людей разных национальностей, народов, рас, регионов проживания, гражданства, социальных статусов.

Благодаря этому возникновение мировых религий способствовало объединению значительных масс людей, становящихся приверженцами того или иного религиозного направления благодаря прозелитизму и миссионерской деятельности основателей и первых последователей.

С другой стороны, уже изначально в мировых религиях была заключена некая противоположная тенденция – к дезинтеграции, причем не только с остальным («языческим») миром, но и в рамках собственной религиозной общины (в широком смысле слова). Но в целом эти процессы вели к интеграции больших масс людей и унификации их шкалы ценностей, этических норм, образа жизни. То есть, по существу, это были процессы глобализации.

Так, возникнув в VI в. до н.э., буддизм превратился в господствующую религию Индии, а его широкая экспансия в другие страны вела к некоторым, порой весьма существенным изменениям в вероучении. Эти изменения происходили частично стихийно, частично организованно в форме решений буддийских соборов. Известно, что уже на Втором буддийском соборе, который, как гласит предание, состоялся через сто лет после смерти Будды, произошел ожесточенный спор о строгости соблюдения устава, и община распалась на несколько течений. Позже стали возникать и другие ответвления буддизма. К началу нашей эры таковых насчитывалось уже свыше тридцати. Наиболее крупный раскол произошел в I в. н.э., когда буддизм распался на два больших направления: тхераваду («истинное учение», иногда называемую ханаяной – «узкий путь спасения», «малая колесница») и махаяну («широкий путь спасения, «большая колесница»). Позже возник так называемый тибетский буддизм со множеством школ и направлений, чань(дзэн)-буддизм, амидаизм и др.

Христианство, возникшее в восточных провинциях Римской империи в I в. н.э., служило идее объединения многонациональной, полиэтнической, «языческой» Римской империи на основе единой религиозной идеологии. Первоначальной почвой, на которой возникла христианская религия, было иудейское сектантство. Анализ раннехристианских источников показывает, что на первоначальном этапе развития христианские общины не имели тщательно разработанной догматики и системы культовых действий. Члены большинства из них не считали себя отделившимися от иудаизма. Напротив, они именовали себя истинными иудеями. Во второй половине I в. по мере усиления христианского космополитизма и формирования собственно христианских догматических представлений усиливается процесс отхода христианства от иудаизма и намечается окончательный разрыв с ним.

Однако возникают разногласия уже в рамках собственно христианской общины. Как до принятия Никео-Царьградского Символа веры, так и после него между различными направлениями и группировками духовенства велись ожесточенные споры по вопросам христианского вероучения. Только в рамках христологических споров возникли арианство, несторианство, монофизитство, саввелианство, монархианство и многие другие направления. Не говоря уже о великом расколе 1054 г., в результате которого западная церковь стала называться римско-католической, а восточная – православной, каждая из них пошла с этого момента своим путем, и о возникновении протестантизма в XVI в., изначально в трех формах (лютеранство, кальвинизм, англиканство), а затем – во множестве церквей и деноминаций так называемого протестантизма «второй волны» и неопрестантизма.

Ислам в период своего зарождения (VII в. н.э.) объединил под своими знаменами разрозненные арабские племена, проживающие на Аравийском

полуострове, в единое государство на основе единой религиозной идеологии. Но уже после смерти пророка Мухаммада (632 г.) в исламе произошел раскол: выделились направления суннитов, шиитов, хариджитов, которые вели между собой кровопролитную борьбу и постепенно раздробились на ряд мазхабов (толков). Позднее возникли мистическое направление суфизм, состоящее из множества тарикатов (братств), и ряд других направлений, – таких, как, например, ваххабизм или мюридизм.

Таким образом, несмотря на универсализм и эгалитаризм мировых религий, интегрирующая функция в них сопряжена с не менее ярко выраженной дезинтеграцией – как с не принадлежащим к данной религии миром (жесткая дихотомия: «мы» – верные, правоверные, избранные, посвященные и «они» – неверные, «язычники», гяуры и т.д.), так и в рамках самой религии, достаточно быстро дробящейся на множество конфессий, зачастую жестоко враждующих между собой.

В некоторые периоды истории религиозная интеграция компенсирует отсутствие этнического единства в рамках отдельного государства. Например, католицизм и по сей день является фактором государственного и регионального социально-психологического единства народов Латинской Америки. Для моноконфессиональных стран характерно отождествление в массовом сознании религиозного и национального компонентов, на основе которого зиждется идея национальности и религиозной исключительности. Здесь интегрирующая функция религии обычно поддерживается соответствующей системой обрядов и ритуалов, подкрепляющих чувство партиципации. По мнению Э. Дюркгейма, именно религия конституирует общество как социокультурную систему: она подготавливает индивида к социальной жизни, тренирует послушание, укрепляет социальное единство, поддерживает традиции, возбуждает чувство удовлетворенности.

Интегрирующая функция религии существенна для этнических или религиозных меньшинств, находящихся на протяжении долгого времени в этнически и религиозно инокультурной среде. В таких случаях обычно складываются устойчивые этноконфессиональные общности, в рамках которых именно религия оказывается интегративным фактором (диаспальный иудаизм, общины христиан в Ливане, индуисты-тамилы в Шри-Ланке и др.). Объединяя людей в рамках санкционированного ею мировоззрения, сложившихся под ее влиянием социальных, этических и духовных ценностей, любая религиозная концепция освящает устоявшиеся нормы и существующие порядки и тем самым содействует социальной, идейной и политической интеграции.

Выступая в качестве источника социокультурного единения на базе тех или иных ценностей, нормативных установок, вероучения, культа и организации, религия одновременно противопоставляет эти общности другим общностям, сформировавшимся на базе иной ценностно-нормативной системы, вероучения, культа и организации. Это противопоставление может служить и часто служит источником конфликта между различными конфессиями, усиливая внешнюю дезинтеграцию, в то время как внутренняя интеграция в результате такого противостояния «чужакам», как правило, только укрепляется – борьба с «чужими» и «чуждыми» создает внутригрупповое чувство общности. Таким образом, интегрирующая функция религии, проявляющаяся в сплочении единоверцев, их партиципации, в то же время дополняется дезинтегрирующей функцией, противопоставляющей членов религиозной общины остальному миру, и нередко в весьма агрессивной форме.

Эффективность социальной интеграции на основе религии велика в обществах традиционного типа, где таким образом поддерживается коллективная идентичность и солидарность социальной группы. В обществах же социально дифференцированных и сложных, в условиях религиозного и национально плюрализма, традиционные религии уже неспособны в пол-

ной мере исполнять эту функцию. Религия в данном случае уже не является универсальным интегративным фактором, ибо «общественная солидарность» может устанавливаться и поддерживаться на иной основе, – например, на принципе права. Так, уже с середины XVII в. в Западной Европе возникает движение секуляризации.

Термин «секуляризация» (франц. *secularisation*, от позднелат. *saecularis* – мирской, светский) был впервые использован в 1648 г. на переговорах по поводу заключения Вестфальского мира, подразумевая отчуждение церковной собственности (как правило, земельных угодий) в пользу светского (нецерковного) владельца. В этом смысле все реформационные движения в Европе XVI в. носили секуляризационный характер. Требование секуляризации выдвигали Д. Уиклиф, Я. Гус, М. Лютер. Секуляризацию провели немецкие князья, поддерживающие реформационное движение в Германии. В XVI в. широкая секуляризация имела место в Швейцарии, Швеции, Дании, Норвегии, Нидерландах, Англии. Следующий этап в развитии европейской секуляризации начался в период Великой французской революции. Секуляризация осуществлялась и при объединении Италии в середине XIX в. Следствием этого стала ликвидация Папской области.

В России секуляризация также имела место. Так, в 1701 г. Петр I, стремясь ослабить влияние православной церкви в обществе, начал осуществлять политику частичной секуляризации. После 1721 г., когда был создан Синод, большая часть вотчин вернулась церкви, однако с условием выплат доли доходов в казну. В 1764 г. Екатерина II подписала указ, согласно которому все церковные и монастырские вотчины и крепостные крестьян (около 1 млн. мужчин) передавались государству. В 1917 г., в соответствии с положениями Декрета о земле, советское государство национализировало все церковные и монастырские земли, а Декретом от 20 января (2 февраля) 1918 г. церковь была отделена от государства, а школа – от церкви. То есть законодательно был введен и ныне закрепленный в статье 14 Конституции РФ принцип светскости.

Помимо первого значения (отчуждение церковной собственности), термин «секуляризация» имеет и другие значения как более узкого (переход лица из духовного состояния в светское), так и более широкого (любое освобождение от влияния религиозно-церковных институтов) характера. Длительные дискуссии вокруг данного термина привели к тому, что в целом под секуляризацией стали понимать ослабление ориентации индивидов, групп и всего общества на сверхъестественные инстанции и силы, что означает отказ от религиозного миропонимания и мироориентации². Речь в данном случае идет о секуляризации на уровне сознания, на уровне рефлексии и саморефлексии. Согласно определению Брайана Уилсона, данному в 1960-х гг., секуляризация – процесс, в ходе которого религиозное мышление, практика и религиозные институты утрачивают свою социальную значимость. К 1990-м гг., после долгих споров, устанавливается консенсус относительно понимания секуляризации. Основным значением понятия становится процесс утраты религией своей социальной значимости. Иными словами, речь никоим образом не идет об исчезновении религии как таковой, но лишь о том, что функционирование общества, прошедшего через секуляризацию, не зависит более от религии в определяющей степени. То есть религия вполне может оставаться значимым явлением для того или иного индивида, однако это не распространяется на общество в целом, независимо от уровня и характера религиозности его граждан.

Таким образом, секуляризация как мощный процесс и неотъемлемая часть социальной модернизации, постепенно набирающий силу в Западной Европе, начиная с эпохи Возрождения, заключается в снятии святости, освобождении от влияния религии, формировании приверженности светскому влиянию и, как правило, происходит в форме отчуждения церковной

собственности в пользу светского владельца. Сегодня под секуляризацией понимается «любая форма освобождения различных сфер жизни общества и личности, государства, политики, права, культуры, просвещения и семейно-бытовых отношений от влияния религии и церковных институтов, от их санкционирования религиозными нормами. Секуляризация проявляется как процесс лишения религиозных институтов ряда социальных функций, сокращения культовой практики, вытеснения религиозных представлений и замены их светскими взглядами, утверждения в общественном и индивидуальном сознании нерелигиозного мировоззрения»³. Важно обратить внимание на то, что «внешней» секуляризации во многом предшествует секуляризация «внутренняя», т.е. снижение духовности самой религии, когда говорят, что «Дух ушел из церкви». Без «внутренней» секуляризации «внешняя» вряд ли была бы возможной и уж точно не столь мощной.

По мнению известного социолога Питера Бергера, «под секуляризацией мы понимаем процесс освобождения определенных сфер общества и культуры от господства религиозных институтов и символов. Если речь идет об институтах и обществах, относящихся к новейшей истории Запада, то здесь, конечно, секуляризация проявляется в утрате христианской церковью сфер, прежде находившихся под ее контролем или влиянием: в отделении церкви от государства, в экспроприации церковных землевладений, в освобождении системы образования из-под власти церковных авторитетов. Но, если мы говорим о культуре и символах, то под секуляризацией понимается нечто большее, чем социально-структурный процесс. Она оказывает влияние на всю совокупность культурной жизни и идей. Ее можно наблюдать по снижению роли религиозной тематики в искусстве, философии, литературе, и, что самое важное, – по развитию науки как автономного, чисто секулярного взгляда на мир. Более того, в данном случае мы имеем в виду, что у процесса секуляризации есть и субъективная сторона. Как существует секуляризация общества и культуры, так же существует секуляризация сознания. Проще говоря, это означает, что современный Запад порождает все больше индивидов, которые в своем отношении к миру и к самим себе не пользуются религиозными интерпретациями»⁴.

Более того, вполне возможна достаточно широкая трактовка секуляризации, когда под ней понимается освобождение сознания от любых «догм»: религиозных, квазирелигиозных, идеологических.

В процессе секуляризации вертикальное измерение человеческой жизни (человек-Бог) постепенно дополняется, а затем замещается горизонтальным измерением (человек-человек), вечность уступает место временности, «град Небесный» становится «градом земным». На этом фоне формируется так называемая *светскость*, под которой принято понимать правовой принцип, подразумевающий равноудаленность государства и всех его институтов от любых религиозных объединений и мировоззрений, а также его независимость от церковно-духовных представлений и теологических концепций. Принцип светскости и свободы совести был впервые провозглашен в 1789 г. в Декларации прав человека и гражданина (статья 10.). В ней говорится о том, что никто не может преследоваться за свои убеждения, в том числе религиозные, при условии, что их обнаружение не угрожает общественному порядку. Сам же термин «светскость» («лаицизм» от франц. *laïque* – светский, мирской) впервые был использован Фернаном Бюиссоном в 1887 г. в «Педагогическом словаре». Ранее он употреблялся в качестве прилагательного (например «светское государство», «светская школа», «светская мораль»). Одним из основных принципов светскости является недопущение религиозного регламента для общественных и государственных институтов – искусства, образования, армии и т.д. Крайней формой этого следует считать *антиклерикализм*,

который возникает в качестве реакции на попытки введения такого регламента. Однако одним этим светскость, конечно, не исчерпывается, ибо она лежит в основе формирования внерелигиозной морали, внерелигиозного образования, республиканских идей и принципов гуманитарных свобод – в том числе свободы совести, вероисповедания.

Свобода совести, защищая суверенитет и автономию личности, является важнейшей составляющей свобод современного человека, краеугольным камнем в системе гуманитарно-правовых ценностей демократического типа общества. Принцип свободы совести опирается на несколько оснований:

- толерантность (в том числе веротерпимость);
- отделение государства и науки от религиозных организаций;
- свободный выбор убеждений и следование им;
- свободное распространение своих убеждений;
- свобода творчества;
- равенство всех религий и идеологических систем перед законом.

Идеи свободы совести и отделения церкви от государства получили широкое распространение в рамках протестантизма. Так, в Аугсбургском исповедании веры (лат. «Confessio Augustana», нем. «Augsburgische Konfession»), написанном Ф. Меланктоном при непосредственном участии М. Лютера, содержится идея разделения церковной и светской властей. Со ссылкой на евангельские тексты указывается недопустимость претензий церкви на светскую власть (статья XXVIII «О церковной власти (о епископских полномочиях)»).

В рамках светского государства, на фоне общей рационализации социальных представлений, не только в сфере «чистой» науки, происходит, во-первых (как уже отмечалось) значительное усиление антиклерикального движения, а во-вторых, дифференциация различных сторон жизни общества. В религиозной сфере идут процессы плюрализации и приватизации религии, невозможные в обществе средневековой теократии. Появляется множество религий, с одной стороны, и в то же время религия становится частным делом отдельных граждан и социальных групп, – с другой. Секуляризованное светское общество отныне становится профанным и независимо от неведомого трансцендентного Бога развивается по своим собственным законам. Но именно при таком типе организации общества возможны гарантии гражданам прав свобод вероисповедания, независимо от их религиозной принадлежности, т.е. религиозной свободы.

Светскость, не устранив религию из публичного пространства, меняет лишь ее место и роль в данном пространстве, ибо религия перестает быть государственной, социально обязательной, а ее нормы не представляются более высшими этическими принципами, обязательными для всех. Ответной реакцией на секуляризационные процессы и возникновение светского общества и государства, светской морали, светского образования выступают сакрализация и ресакрализация, клерикализация и как ее предельная форма – государство теократического типа. Теократию можно охарактеризовать в широком смысле как соединение светской и духовной власти в одном лице. Условно теократию можно разделить на два вида: 1) прямая теократия (власть первосвященников – верховных жрецов в Иудее в V-I вв. до н.э.; власть фараонов в Древнем Египте, которые выступали одновременно и как земные и как небесные владыки; власть императоров в Древних Китае и Японии, которых также были одновременно и религиозными жрецами и др.); 2) делигированная теократия (монархия, санкционированная Богом, через помазание на царство, что, в частности, было характерно для царской России).

Так или иначе, но для теократии, к которой приводят процессы клерикализации, свойственен авторитарно-тоталитарный тип правления. В отличие от этого для светского государства, к формированию которого ве-

дут секуляризационные процессы, свойственен тип демократического правления.

Таким образом, секуляризация в целом также оказывается проектом глобализации, просто меняется основа унификации и интеграции – место религиозной сплоченности и шкалы ценностей занимают светский образ жизни, внерелигиозные ценности и правовые нормы.

Неслучайно поэтому в настоящее время глобализация не ассоциируется или ассоциируется в незначительной степени с религиозным фактором. Вместе с тем в современном мире, несмотря на секуляризационные процессы, роль религиозного фактора остается весьма существенной. И религия, оказываясь внутри процесса глобализации, в то же время оказывает влияние на этот процесс. Сегодня в результате интенсивности развития коммуникаций, средств связи и информационных технологий происходит расширение объема, увеличение разнообразия и ускорение глобальных религиозных потоков, повышение интенсивности и скорости религиозного обмена. Коммуникативная функция религии является двухуровневой. Первый уровень коммуникации, который устанавливается верующим той или иной религии (или конфессии) – это общение с Богом или некими иными сверхъестественными существами и сущностями. Это главный вид общения в религии, который осуществляется путем культовой деятельности – произнесения молитвы, участия в богослужении, исполнения ритуалов и т.п. Большую роль в общении данного уровня играет религиозная символика, религиозное искусство и религиозная литература. Результатом подобной «естественно-сверхъестественной коммуникации» становится возникновение устойчивых положительных эмоций (восхищения, радости, надежды и др.) и возникающего на их основе уравновешенно-позитивного психического состояния, близкого к эстетическому катарсису.

Второй уровень коммуникации в религии осуществляется между верующими одной конфессии – в рамках религиозной общины происходит их общение друг с другом, нередко выходящее за пределы «церковной ограды», в рамках внекультовой деятельности как религиозной (в большинстве случаев), так и нерелигиозной (гораздо реже). Подобное общение имеет свою специфику, суть которой заключается в том, что в жизни верующих людей превалируют религиозная мотивация, чувства и потребности перед земными интересами, когда земные ситуации и реалии рассматриваются *sub specie aeternitatis*⁵.

Дезкоммуникативность данной функции религии проявляется в доведении до некоего предела конфессиональной ограниченности. Когда невозможно или существенно затруднено общение с внешним миром, с представителями других конфессий или неверующими (например, в некоторых монастырях).

Помимо того, в последнее десятилетие происходит виртуализация религии. Религиозные отношения из социальных во многом превращаются в виртуальные. Религиозные движения активно и профессионально используют современные технологии, современные средства массовой информации. Сегодня даже в дни крупных праздничных мероприятий совсем не обязательно находиться в храме или мечети, вполне достаточно принимать в них участие «онлайн», посредством сети Интернета или наблюдения по телевизору. Точно так же с любым сакральным текстом или его разъяснениями и толкованиями можно ознакомиться во Всемирной Сети. Там же можно узнать обо всех событиях той или иной религиозной организации, не выходя из дома, пообщаться на форумах с единомышленниками или оппонентами⁶. Религиозная община как ядро «первичной» приходской жизни утрачивает былое коммуникативное значение.

Сами организационные и культовые основы также во многом меняются. Порой при посещении современных церквей создается устойчивое впечатление, что находишься в хорошо работающем офисе, где культово-ри-

туальные практики попадают в графу «оказания религиозных услуг». По существу, выхолщивается мистическая суть религии, когда место мистики занимает мистификация, которая по большей части рассматривается в качестве «коммерческого проекта», тем самым свидетельствуя об отсутствии веры у самих ее проводников, становящихся «мистификаторами»⁷.

Вместе с тем в подавляющем большинстве религий остаются весьма действенными нормы и ценности, более того, – так или иначе, в сущностном плане они, как правило, совпадают в различных религиях, являясь универсальными. Рассмотренные в аспекте глобализма, эти унифицированные (общечеловеческие) нормы и ценности вполне могут становиться основой общества, несмотря на мультирелигиозность большинства современных государств.

Более того, как было показано выше, именно религии принадлежала сама идея глобального, ставящая целью объединить весь мир своими идеями, нормами и ценностями. В то же время каждый регион мира может быть охарактеризован с точки зрения распространения главных религиозных групп, в то время как религия в пределах каждой нации и этнической группы обладает собственными уникальными характеристиками. Исторические религии, связанные с традиционными общественными институтами, ценностями и мировоззрением в целом, безусловно, вынуждены реагировать на процессы глобализации. Несмотря на то, что эти «традиционные» религии сопротивляются глобализации, считая ее угрозой своему типу религиозности, что, во многом, стимулирует рост фундаменталистских настроений, все-таки глобализация в определенной мере способствует сохранению «традиционной религиозности», поверх которой располагается религиозность нового типа, ибо глобализации сопутствует детерриториализация религии. В глобализованном мире любая религия находит своих приверженцев там, где исторически их никогда не было, и теряет в регионах традиционного распространения. Субъектом выбора все больше становится отдельная личность, независимо от принадлежности к какой-либо религиозной или этнокультурной традиции. Плюрализм и даже эклектизм религиозных воззрений распространяются не только на уровне различных обществ, но и на уровне индивидуального сознания верующих. Именно новая религиозность, представленная Новыми религиозными движениями (НРД) и религиозными меньшинствами, является религиозным каналом глобализации. Такая религиозность, нередко представляющая собой синкретические представления, почерпнутые из разных религиозно-философских систем как Запада, так и Востока, разрушает некие границы, в которые веками были встроены исторические («традиционные») религии, и создает духовно-нравственное основание для распространения глобализационных процессов во всех сферах жизни общества, в первую очередь в экономике, информации, культуре, политике. Эта своего рода «альтернативная социализация», свидетельствующая о социальной активности НРД, выдвигающих собственные социально-политические парадигмы и ценностные ориентиры, чаще всего отличные от исторических традиций того или иного отдельного общества, но согласующиеся с общим глобализационным трендом. В ответ на это «старые» религии акцентируют внимание на их длительной истории, культуре, влиянии на формирование национального самосознания народа, тем самым увязывая ту или иную религиозную традицию с определенным регионом, этносом, страной и противопоставляя ее тенденциям вестернизации, с которыми неизменно ассоциируется глобализация. Попытки принятия традиционными религиями глобалистских норм и ценностей находят отражение в их отношении к другим религиям – базируется ли оно на демократических принципах свободы совести и вероисповеданий или априорно исходит из приоритета своей религии и восприятия всех остальных как ложных и «вражеских».

Так, в «Основах социальной концепции Русской православной церкви» отмечается, что «реальностью становится феномен правовой и политической регионализации и глобализации» (XVI.2). Это вызывает опасения у РПЦ, поскольку возникающие в результате глобализационных процессов международные организации «могут становиться средствами несправедливого доминирования стран сильных над слабыми, богатых над бедными, технологически и информационно развитых над остальными. Практиковать двойные стандарты в области применения международного права в интересах наиболее влиятельных государств» (XVI.2)⁸. В главе 11 «Основ социальной концепции российского иудаизма» проводится близкая православной мысль о том, что «многосторонние межгосударственные соглашения привели к созданию разветвленной системы межгосударственного права, обязательного для исполнения в странах, подписавших соответствующие договоренности. Некоторым международным организациям правительствами передается ряд полномочий, которые касаются экономической, политической и военной деятельности и затрагивают не только международные отношения, но и внутреннюю жизнь народов. Решения, связанные с заключением судьбоносных международных договоров, должны приниматься в согласии с волей народа, правительства должны отстаивать духовную самобытность стран.

В работе международных организаций должно быть обеспечено равенство суверенных государств в доступе к механизмам принятия решений и в праве решающего голоса, в том числе при определении базовых международных стандартов⁹. Однако специальный раздел, посвященный непосредственно проблеме глобализации, в документе российского иудаизма отсутствует. Также нет подобного раздела и оценок глобализации в социальных документах таких распространенных в России религий как ислам и протестантизм. Отношение к глобализации не высказано в «Основных положениях социальной программы российских мусульман», в «Социальной позиции протестантских церквей России», в «Основах социальной концепции Российского объединенного Союза христиан веры Евангельской», в «Социальной концепции Евангелическо-Лютеранской Церкви Аугсбургского Исповедания».

Вместе с тем в Основах социальной концепции Русской православной церкви и в «Основах социального учения Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня в России» имеются специальные разделы, посвященные глобализации. Так, в документе Русской православной церкви рассматриваются различные аспекты глобализации (политико-правовой, экономической и культурно-информационный). Критично оцениваются транснациональные корпорации, с возникновением которых связывается экономический аспект. Такого рода организации «не желают считаться с традициями и религиозными устоями народов, вовлекаемых в осуществление их планов. Церковь не может не беспокоить и практика финансовых спекуляций, стирающая зависимость доходов от затраченного труда. Одной из форм этих спекуляций являются финансовые «пирамиды», крушение которых вызывает широкомасштабные потрясения. В целом подобные изменения в экономике приводят к утрате приоритета труда и человека над капиталом и средствами производства» (XVI.3)¹⁰.

В культурно-информационной сфере глобализация обусловлена развитием технологий, облегчающих перемещение и взаимосвязь людей друг с другом, распространение и получение информации. «Однако данный процесс сопровождается попыткой установления господства богатой элиты над остальными людьми, одних культур и мировоззрений над другими, что особенно нетерпимо в религиозной сфере. В итоге наблюдается стремление представлять в качестве единственно возможной универсальную бездуховную культуру, основанную на понимании свободы падшего человека, не ограничивающего себя ни в чем, как абсолютной ценности и мерила

истины. Такое развитие глобализации многими в христианском мире сопоставляется с построением Вавилонской башни» (XVI.3)¹¹.

По мнению Русской православной церкви, глобализация таит в себе следующие опасности:

«Во-первых, глобализация, наряду с изменением привычных способов организации хозяйственных процессов, начинает менять традиционные способы организации общества и осуществления власти. Во-вторых, многие положительные плоды глобализации доступны лишь нациям, составляющим меньшую часть человечества, но имеющим похожие экономические и политические системы. Другие же народы, к которым принадлежит пять шестых населения планеты, оказываются выброшенными на обочину мировой цивилизации. Они попадают в долговую зависимость от финансистов немногих промышленно развитых стран и не могут создать достойные условия существования. Среди их населения растут недовольство и разочарование» (XVI.3)¹². Третьей опасностью является «тотальная унификация». Поэтому необходимы меры, ограничивающие негативные стороны глобализационных процессов, сводящиеся к контролю путем всех доступных обществу и государству механизмов над транснациональными корпорациями и за процессами, происходящими в финансовом секторе экономики, к сохранению духовной и культурной самобытности стран и народов, борьбе с коммерциализацией информационно-творческого пространства.

«В целом вызов глобализации требует от современного общества достойного ответа, основанного на заботе о сохранении мирной и достойной жизни для всех людей в сочетании со стремлением к их духовному совершенству. Помимо сего, необходимо достичь такого мироустройства, которое строилось бы на началах справедливости и равенства людей перед Богом, исключало бы подавление их воли национальными или глобальными центрами политического, экономического и информационного влияния» (XVI.3)¹³. Поскольку, по мнению авторов «Основ социальной концепции Русской православной церкви», глобализационные процессы развиваются в условиях приоритета «интересов земной жизни человека и человеческих сообществ перед религиозными ценностями», постольку «Церковь стремится к утверждению христианских ценностей в процессе принятия важнейших общественных решений как на национальном, так и на международном уровне. Она добивается признания легитимности религиозного мировоззрения как основания для общественно значимых деяний (в том числе государственных) и как существенного фактора» (XVI.4)¹⁴.

Близкий к православному подход обнаруживается в социальной доктрине российских адвентистов, которые в новом издании «Основ социального учения Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня в России» посвятили специальный раздел глобализационным процессам – «Глобализация: ее объективный характер и противоречивые тенденции».

В разделе отмечается: в условиях глобализации и взаимопроникновения культур церковь видит свой долг в том, чтобы вновь и вновь указывать на «величие Божественного замысла о единстве человеческой семьи, а также выступать в защиту достоинства людей и наций» (10.2)¹⁵. В документе подчеркивается, что страны и народы нуждаются друг в друге, ибо глобализация породила их экономическую, экологическую, культурную зависимость друг от друга. Следствие глобализации являются, с одной стороны, культурный обмен и ценностно-нормативная унификация, а с другой, как реакция на это, – укрепление национального самосознания и самобытности. В крайней форме это позитивное явление может переходить в негативные формы шовинизма и национализма.

Сегодня процессом глобализации охвачены практически все сферы человеческой жизни – политическая, экономическая, социальная, культурная, научная, информационная. «Подталкивают род людской к объедине-

нию и такие негативные факторы как угроза экологического кризиса, международная преступность и терроризм, новые болезни, поражающие целые континенты» (10.2)¹⁶.

Констатируя объективный характер процесса глобализации, Церковь адвентистов седьмого дня подчеркивает негативные тенденции, связанные с этим процессом:

1. Утрата духовных интересов и замена их сугубо материальными, утрата религиозной веры, усвоение материалистического мировоззрения.

2. Деятельность транснациональных корпораций, создающая монополизацию капитала в отдельных странах и регионах в ущерб другим. Происходит снижение экономического роста и социального развития в менее развитых странах, где используются полуфеодалские методы эксплуатации работников. В то же время и в развитых странах творческий потенциал работников во многом также находится во власти использующих его корпораций.

3. Манипулирование общественным сознанием при помощи СМИ, формирующих взгляды, вкусы, оценки, устремления людей.

4. Унификация культуры с едиными жизненными стандартами, грозящая уничтожению разнообразия этносов с их самобытным укладом жизни и национальных культур, что может приводить к ассимиляции и даже вымиранию отдельных народностей.

5. Попытка реконструкции религиозно-государственных союзов. «Несмотря на секулярную жизненную позицию большинства населения Земли, в современном мире сохраняется опасность возрождения религиозно-государственных союзов, создаваемых под предлогом спасения от нарастающей духовной деградации» (10.2)¹⁷.

Рецепты, предлагаемые религиозной организацией, вполне традиционны. Они сводятся к укреплению мировоззренческих (религиозных) и нравственных основ по следующим направлениям:

«вера в библейскую концепцию сотворения мира и человека по образу Божьему, которая помогает противостоять животному началу в человеке; понимание реальности греха и опасности подвергнуться искушению, особенно сребролюбию и чувственным порокам, широко и настойчиво насаждаемым массовой культурой;

вера в живую связь со Христом, который ныне ходатайствует о человеке в Небесном храме и оказывает помощь всякому, кто обращается к Нему;

активная жизненная позиция и участие во всех созидательных процессах современного общества;

ответственность перед семьей и обществом» (10.2)¹⁸.

Адаптация к поликонфессиональному пространству, характерному для современного этапа глобализации, дается с большим трудом историческим религиям, не желающим пускать на свою каноническую территорию новые религиозные направления, причем независимо от их «традиционности» или «нетрадиционности».

Выбор религии, возможный в мировом пространстве благодаря своеобразному «глобальному религиозному рынку», предлагающему любую религию на любой вкус, с одной стороны, интегрируют всех желающих в противовес секуляризационным процессам обрести религиозную веру, а с другой, – дифференцирует их в зависимости от того, какое религиозное направление выбирается. Субъектом выбора все чаще становится отдельная личность независимо от принадлежности к какой-либо религиозной или этнокультурной традиции. Религиозный плюрализм и даже эклектизм распространяются сегодня не только на уровне различных обществ, но и на уровне индивидуального сознания верующих. Массовое распространение также получает синкретическая религиозность или квазирелигиозность, в которой причудливым образом сочетаются различные, далекие друг от

друга, а порой и противоречащие друг другу элементы, взятые из различных религиозно-философских направлений.

Этот процесс вызывает ответную реакцию, когда присущее глобализации нивелирование религиозных, национальных, региональных, культурных различий обретает свою противоположность – их усиление, актуализацию местных тенденций, фрагментацию общества, национализм и регионализм.

Глобализация влечет определенные трансформации в религиозном комплексе «исторических» религий. Поскольку постепенно меняется религиозное сознание верующих, постольку происходят изменения в культовой практике (например, переход с латинского на национальные языки в католическом богослужении после Второго Ватиканского собора и др.), и в восприятии других религий, с которыми приходится соседствовать. Сегодня в ряде регионов и стран мира между собой соперничают две тенденции: первая, условно «консервативная» (иногда именуемая «фундаменталистской»), требует ставить местные религиозные традиции выше глобальных; вторая, условно «либеральная», напротив, отдает приоритет глобальным ценностям и нормам, в том числе толерантности, предполагающей равные условия для функционирования различных религиозных направлений в одном и том же регионе или стране. Именно эти две тенденции, по существу, представляют современный религиозный дискурс в аспекте глобализации, – естественно, с учетом местной специфики. Если же рассматривать глобализацию в узко-экономическом смысле, как формирование глобального финансового рынка, то это практически не имеет отношения к религиозным организациям, ибо последние являются по своему типу некоммерческими, не занимаются финансовой и предпринимательской деятельностью и не имеют отношения к транснациональным корпорациям. Вместе с тем, не оставаясь равнодушными к социальной ситуации, разрыву между полюсами бедности и богатства, осуждая безудержную гонку за сверхприбылями в ущерб духовно-нравственной составляющей, призывая к милосердию и благотворительности не только в отношении отдельных граждан, но целых народов или стран, религиозные организации, по существу, демонстрируют типичный ответ на процессы глобализации. Как защитную реакцию традиционных религий можно рассматривать их стремление укреплять связи с государством, этнической или национальной группами, для которых данная религия является исторической, в стремлении противостоять натиску новых религий и расширять свое влияние, обеспечивая тем самым перспективы собственного существования и развития, распространения своих доктринальных положений и религиозно-социальных норм.

Таким образом, оказывается, что нельзя дать однозначную оценку роли религии в процессе глобализации, с одной стороны, и влияния процесса глобализации на саму религию, – с другой. Это амбивалентное единство весьма противоречиво и многоаспектно. Стоит лишь еще раз подчеркнуть особую роль и место нетрадиционных религий в глобализирующемся социуме, форм их миссионерской деятельности и методов коммуникаций, с учетом динамичного роста и социального состава, включающего молодежь и наиболее интеллектуальные слои населения, отрыва от государственно-национальных границ и интересов, культурно-исторической ассоциированности с определенным социальным сообществом.

Библиографический список

Забяко А.П. *Партиципация // Религиоведение. Энциклопедический словарь / под ред. А.П. Забяко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М: Академический проект, 2006. – С. 748.*

Новые религии в России: двадцать лет спустя / под ред. Е.С. Элбакян. – СПб.: Древо жизни, 2013.

Овсиенко Ф.Г. Клерикализм // Энциклопедия религий / под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М.: Академический проект; Гаудеамус, 2008. – С. 666–667.

Овсиенко Ф.Г. Секуляризация // Энциклопедия религий / под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М.: Академический проект; Гаудеамус, 2008. – С. 1148.

Основы социального учения Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня России. – М.: [без изд-ва], 2009.

Основы социальной концепции Русской православной церкви // О социальной концепции русского православия. Приложение. – М.: Республика, 2002. – С. 250–392.

Религия как социальный институт / под ред. Е.С. Элбакян. – М.: Изд. дом Академии труда и социальных отношений, 2011.

См. Основы социальной концепции российского иудаизма // Режим доступа: http://www.sxnarod.com/index.php?act=articles&CODE=one_art&a=22481.

Социальные функции религии в условиях модернизации общества: XXI век / под ред. Е.С. Элбакян. – М.: Изд. дом Академии труда и социальных отношений, 2011.

Тощенко Ж.Т. Теократия: фантом или реальность. – М.: Academia, 2007.

¹ См.: Забияко А.П. Партиципация // Религиоведение. Энциклопедический словарь / под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М., 2006. – С. 748.

² Lubbe Н. Saekularisierung: Geschichte eines ideenpolitischen Begriffs. – Мьнchen, 1965. – S. 23.

³ Овсиенко Ф.Г. Секуляризация // Энциклопедия религий / под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М., 2008. – С. 1148.

⁴ Berger Р. The Social Reality of Religion. – L., 1967. – P. 106–107.

⁵ С точки зрения вечности (лат.).

⁶ См. об этом подробнее, напр.: Забияко А.П., Воронкова Е.А. и др. Киберрелигия: наука как фактор религиозных трансформаций / под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, библиотека журнала «Религиоведение», 2012.

⁷ В этой связи невольно вспоминается роман С. Есина «Имитатор», в котором прекрасно описана такого рода «мистификация».

⁸ Основы социальной концепции Русской православной церкви // О социальной концепции русского православия. Приложение. – М., 2002. – С. 387.

⁹ См. Основы социальной концепции российского иудаизма / http://www.sxnarod.com/index.php?act=articles &CODE=one_art&a=22481

¹⁰ Основы социальной концепции Русской православной церкви // О социальной концепции русского православия. Приложение. – М., 2002. – С. 389.

¹¹ Там же.

¹² Там же. – С. 390.

¹³ Там же. – С. 391.

¹⁴ Там же. – С. 392.

¹⁵ Основы социального учения Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня России. – М., 2009. – С. 225.

¹⁶ Там же. – С. 227-228.

¹⁷ Там же.. – С. 230.

¹⁸ Там же. – С. 231.